

ШТУРМЪ КАРСА.

(Отрывокъ изъ памятной книжки о послѣдней русско-турецкой войнѣ).

Отъ уже болѣе мѣсяца, какъ, послѣ боя на Орлокскихъ высотахъ, полкъ нашъ, въ числѣ другихъ войскъ, блокируетъ Карсъ. Безконечная, однообразно-бурая, выжженная солнцемъ, равнина разстилается передъ нами и среди нея высятся величественные форты Карса: «Хафисъ-паша», около него группируются болѣе отлогіе и менѣе высокіе холмы другихъ укрѣпленій. Этотъ дикій ландшафтъ не лишень своеобразной прелести, въ особенности утромъ, когда равнина, покрытая инеемъ первыхъ заморозковъ, кажется покрытою бѣлою парчевою ризою, блестящею въ первыхъ лучахъ восходящаго солнца драгоценными камнями всѣхъ цвѣтовъ радуги. Самаго города намъ не видно: онъ расположенъ въ котловинѣ, образуемой окружающими его высотами и совершенно закрытъ ими съ нашей стороны. Турки усердно обстрѣливаютъ нашъ лагерь, хотя безъ всякихъ результатовъ: мы стоимъ внѣ ихъ выстрѣловъ, и непріятельскіе снаряды падаютъ въ почти-тельномъ разстояніи отъ лагера, не разрываясь по причинѣ мягкаго грунта и вырывая огромныя ямы, которыя мы видимъ, проходя на дежурства въ аванпосты. Наша осадная артиллерія слабо — по два

раза въ день, въ 12 часовъ дня и около того же часа ночью — отвѣчаетъ на непріятельскіе выстрѣлы, какъ говорятъ, по недостатку боевыхъ снарядовъ, и тѣмъ вызываетъ шутливыя замѣчанія офицеровъ и солдатъ. Если бы не эти выстрѣлы съ батарей, можно было бы думать, что мы живемъ обыкновенною лагерною жизнью: также, какъ и въ мирное время, стройными рядами расположились бѣлыя палатки полка, также производятся наряды на службу и также производятся ученья, хотя въ болѣе ограниченномъ числѣ часовъ. Послѣднія, впрочемъ, производятся не столько для пользы службы, сколько для развлеченія скучающихъ солдатъ.

Въ первые дни блокады Карса и офицеры и солдаты были рады отдохнуть отъ безконечныхъ форсированныхъ переходовъ, грязи, недоѣданій, недосыпаній и привести, насколько возможно, въ порядокъ, невыдерживавшіе самой снисходительной критики, свои костюмы и обувь, но прошла недѣля-другая, люди отдохнули, привели кое-какъ въ порядокъ свои доспѣхи и заскучали. Начальство поняло это настроеніе солдатъ, и вотъ начались ученья.

— «А что, господа», — обращается обыкновенно, улыбаясь, баталіонный командиръ къ производящимъ ученье ротнымъ, едва услышитъ выстрѣлъ нашего осаднаго орудія, — «не пора ли и за кашу? — слышите, наша скромница (пушка) возвѣщаетъ адмиральскій часъ...»

И ротные командиры приказываютъ фельдфебелямъ вести людей по палаткамъ.

Однообразіе нашей стоянки нарушается только назначеніями ротъ въ прикрытіе къ осадной батарее и въ сторожевую цѣпь, на аванпосты.

Съ наступленіемъ ночи, послѣ пробитія зари, свободные отъ аванпостной службы солдаты забираются въ палатки, жгутъ въ нихъ набранные днемъ пометъ и солому и, плотно заперевъ входъ, ложатся на разостланныхъ, часто на промоченной дождемъ землѣ, ранахъ, укутавшись шинелями, съ тѣмъ, чтобы проснуться дрожащими отъ холода.

Офицеры собираются у кого-нибудь изъ товарищей, играютъ въ возбуждающій нервы шtosсъ, пропускаютъ «по маленькой», когда имѣется скверный мѣстный спиртъ, острятъ, кто какъ можетъ, надъ полуночнымъ выстрѣломъ нашего осаднаго орудія и потомъ расходятся спать по своимъ палаткамъ...

Монотонная жизнь надоѣла до одурѣнія и всѣ страстно ждутъ какой-либо перемѣны.

Сегодня, 5-го ноября, когда я послѣ обѣда собирался-было вздремнуть, въ нашу палатку вошелъ фельдфебель съ заявленіемъ, что ротный командиръ требуетъ меня экстренно къ себѣ. Я одѣлся и вышелъ. Войдя въ палатку ротнаго командира, я засталъ его надѣвающимъ на себя эlegantное свѣжее бѣлье. На полу лежалъ раскрытый походный чемоданчикъ, на столѣ привѣтливо шумѣлъ складной самоваръ.

— «Можно думать, г. поручикъ, что вы собираетесь на балъ», пошутилъ я, здороваясь съ ротнымъ.

— «И не говорите. Еще хуже: на представленіе, какихъ у насъ на сценѣ нѣтъ»,—задумчиво отвѣчалъ онъ.— «Поздравляю: сегодня штурмуемъ Карсъ. Только, пожалуйста, никому объ этомъ ни слова: все вѣрно держать въ строжайшей тайнѣ... Желаю вамъ отличиться».

— «Благодарю. Но... вы не шутите?»

— «Видите, что я дѣлаю—приготавлиюсь»...

— «Развѣ у васъ есть предчувствія?»

— «Предчувствія не предчувствія, а нужно быть готовымъ ко всему. Думаю, что турки не отдадутъ намъ безъ выстрѣла Карса и дѣло будетъ жаркое...»

Мы сѣли за чай и долго говорили о штурмахъ Карса во время прежнихъ войнъ.

Выйдя изъ палатки ротнаго командира и всматриваясь въ лица проходившихъ мимо солдатъ, я понялъ, что имъ уже все извѣстно. На задней линейкѣ лагеря баталіонные командиры въ сообществѣ съ полковымъ адъютантомъ осматривали штурмовыя лѣстницы и окружавшая ихъ группа солдатъ жадно вслушивалась въ каждое слово офицеровъ. На лицахъ солдатъ лежала давно знакомая мнѣ печать серьезности, которую я всегда замѣчалъ на этихъ лицахъ предъ прежде бывшими боями: каждый солдатъ невольно думалъ о неизвѣстномъ будущемъ. Начало смеркаться; солдатамъ раздають увеличенныя порціи мяса и сухарей. Вотъ уже смерклось, наступила ночь. Роты строятся на линейкахъ, нигдѣ не слышно зажигаемыхъ рѣчей, все дѣлается просто, какъ будто мы идемъ не на штурмъ, а на обыкновенное дежурство въ аванпосты... Пошли... Что то будетъ, что то будетъ?

Ночь сначала была темная, хоть выколи глазъ; луна еще не всходила. Полкъ въ глубокомъ молчаніи шелъ ускореннымъ маршемъ то чрезъ засѣянные поля, то по вспаханымъ для посѣва ни-

вамъ. Изрѣдка тишина нарушалась столкнувшимися штыками, вслѣдъ зачѣмъ раздавалось осторожное предостерегающее «тсс!» ротнаго командира или фельдфебеля. Справа отъ идущаго полка доносилось чуть слышное тяжелое громыханіе орудій нашей артиллерійской бригады и фырканье ея лошадей. Полкъ быстро приближался къ укрѣпленіямъ Карса; въ слабомъ полусвѣтѣ восходящей луны съ каждой минутой яснѣе и яснѣе выдѣлялись холмы укрѣпленій на все еще темномъ небѣ. По мѣрѣ приближенія полка къ крѣпости отчетливѣе и отчетливѣе слышались выстрѣлы начатаго уже штурма: мелкой перекаточной дробью звучали ружейные выстрѣлы, часто заглушаемые одиночными и выстрѣлами залпами изъ орудій Карскихъ батарей. Нашъ полкъ съ шедшею съ нимъ артилерією нашей дивизіи были остановлены. Разобраться въ мѣстности за темнотою ночи было крайне трудно, а опредѣлить дистанцію отъ мѣста нахождения полка до Карса—и того еще труднѣе, хотя мрачные силуэты укрѣпленій крѣпости достаточно ярко выдѣлялись на сравнительно свѣтломъ фонѣ южнаго неба. Турки выпустили нѣсколько свѣтящихся бомбъ и, усмотрѣвъ нашъ отрядъ, начали обстрѣливать насъ шрапнелями, не причинявшими намъ, впрочемъ, никакого вреда, такъ какъ шрапнели летѣли высоко въ воздухѣ надъ отрядомъ и зарывались далеко за нимъ въ мягкомъ грунтѣ.

1-ю стрѣлковую роту 160-го пѣхотнаго Абхазскаго полка, въ которой служилъ я, вызвали впередъ въ прикрытіе артилеріи. Неподалеку отъ меня стоялъ только что прибывшій изъ запаса арміи солдатъ, всякій разъ склонявшій голову при свистѣ летящаго съ непріятельской батареи снаряда. Такое поведеніе солдата вывело изъ себя стоявшаго вблизи браваго ефрейтора.

— «Кой чортъ, смотрю я на тебя», сказалъ онъ «кланяешься турецкимъ гостинцамъ? А еще старый солдатъ».

— «Да волей-неволей, дяденька, поклонись, какъ заслышишь, какъ летитъ «ень» прямо въ тебя...»

— «Эхъ ты, деревенская ворона! Развѣ не знаешь, коли слышишь ея свистъ, такъ она за тобою ужъ за тридевять земель катаетъ?... Эхъ, вы! Смотрѣть на васъ не хочется...»

Между тѣмъ слышимые нами выстрѣлы становились все чаще и чаще. Послышались крики «ура». Тогда-то въ морозномъ воздухѣ торжественной ночи раздался звучный величественный голосъ начальника 40-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Шатилова:

— «Г.г. артиллеристы, откройте огонь!»

Команду повторилъ голосъ бригаднаго командира 40-й артиле-

рійской бригады и вслѣдъ за нимъ молодой задорный голосъ прозвнѣлъ:

— «Первое..., пли!»

Раздался грохотъ орудія и на полугорѣ стоявшаго предъ нами укрѣпленія «Арабъ-Табія» блеснулъ огонекъ разорвавшейся выпущенной изъ орудія шрапнели.

— «Не донесло, ваше б—родіе», послышался голосъ наводчика

— «Возьми на двѣ линіи выше».

— «Есть, ваше б—родіе!»

— «Второе..., пли!»

Огонекъ разорвавшейся шрапнели блеснулъ на гребнѣ осаждаемаго форта.

— «Разъ въ разъ, ваше б—родіе!» сказалъ наводчикъ.

— «Спасибо! Молодчина! Жарь на эту дистанцію!»

И начали «жарить». Турки, очевидно понимавшіе, что отрядъ нашъ производитъ противъ ихъ форта «Арабъ-Табія» не болѣе, какъ демонстрацію, слабо отвѣчали намъ на наши выстрѣлы изъ орудій, сосредоточивъ все вниманіе на наступленіи 2-го (Кутаисскаго) полка нашей дивизіи на фортъ Кара-Дагъ, находившійся рядомъ съ укрѣпленіемъ, противъ котораго демонстрировалъ нашъ полкъ. Въ сторону Кара-Дага слышались непрерывные ружейные и орудійные выстрѣлы съ укрѣпленій Карса вмѣстѣ съ отвѣтными выстрѣлами нашихъ войскъ, порою заглушавшіеся могучимъ «ура».

Начинало свѣтать; востокъ алѣлъ и тѣни стоявшаго предъ нами укрѣпленія изъ темныхъ дѣлались болѣе свѣтлыми. Гремящая по Карсу и изъ него канонада вдругъ прекратилась. Въ укрѣпленіяхъ Карса слышались какіе то жалобные сигналы на духовыхъ инструментахъ, значенія которыхъ никто изъ насъ не понималъ. Наступила, наконецъ, невозмутимая тишина, какъ то сразу успокоившая слухъ и нервы послѣ сильныхъ ощущеній грохота канонады. Всѣ недоумѣвающе переглядывались:

— «Значить, штурмъ отбить?» спрашивалъ, казалось, взглядъ солдатъ.

Вдругъ раздался звучный голосъ бригаднаго командира 2-й бригады 40-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіора Рыдзевскаго:

— «Штурмовыя лѣстницы—впередь!»

Люди съ лѣстницами вышли впередъ.

— «Шагомъ маршъ!»

Нашъ полкъ двинулся. Сердца сжались: каждый понималъ, что

наступаетъ послѣдній актъ штурма и невольно думалъ о своей судьбѣ. Полкъ шелъ въ такой гробовой тишинѣ, что каждому было слышно бѣненіе своего сердца. Дорога шла какими то холмами, усѣянными булыжниками и гальками, безъ всякихъ признаковъ растительности. Нервы наши были напряжены до послѣдней крайности. Каждый изъ идущихъ усиленно-внимательно всматривался впередъ, надѣясь вотъ-вотъ увидѣть грозное укрѣпленіе, но холмъ слѣдовалъ за холмомъ, а укрѣпленіе не показывалось.

Вдругъ выстрѣлъ (справа отъ колонны) невидимаго для нея турецкаго часового, открывшаго движеніе полковъ¹⁾, разсѣялъ общее недоумѣніе. За выстрѣломъ грянулъ залпъ дежурной турецкой роты на укрѣпленіи: пули засвистѣли и завизжали, дѣлая рикошеты отъ камней, а горячіе и свѣтящіеся въ полусвѣтѣ ранняго утра бумажные патроны турецкихъ ружей красиво опоясали брустверь укрѣпленія огненною нитью.

Озадаченные выстрѣломъ и залпомъ солдаты на мигъ остановились и затѣмъ, безъ всякой команды, съ крикомъ «ура» бросились на гласисъ укрѣпленія. Бѣжавшій впереди нашей роты ротный командиръ, поручикъ Альбокриновъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упалъ, пораженный пулею. Два солдата поспѣшили поднять его. Пуля попала ему въ грудь, и алая струйка крови сочилась изъ раны по пальто. Красивое лицо его было страшно блѣдно и глаза недоумѣвающе смотрѣли по сторонамъ. Встрѣтаясь взглядомъ со мною, онъ попробовалъ улыбнуться, но только какая то судорога исказила его красивое лицо. Его поспѣшили унести на перевязочный пунктъ.

Между тѣмъ передовые солдаты перебѣжали по гласису до рва укрѣпленія и остановились въ недоумѣніи: турки не выходили на брустверь, а положивъ на него ружья и спрятавъ головы, въ упоръ поражали штурмующихъ; пули, свистя, неслись роями и жалобно выли, дѣлая рикошеты по камнямъ; съ Хафисъ-паши бросали по штурмующей колоннѣ шрапнели и свѣтящіеся бомбы, красиво, какъ падающія звѣзды, мелькавшія на лазурномъ фонѣ неба и съ грохотомъ рвавшіяся среди нашихъ солдатъ. Спасаясь отъ пуль невидимаго врага, солдаты прилегли на гласисъ, какъ тигры, готовые броситься на добычу. Крики «ура» смолкли.

— «Что же это, братцы?» послышался впереди голосъ лежав-

¹⁾ Вмѣстѣ съ нашимъ полкомъ штурмовалъ фортъ Арабъ-Табія и 159-й пѣхотный Гурійскій полкъ нашей же дивизіи.

шаго солдата, «этакъ они насъ всѣхъ ухлопають! Камнями ихъ, проклятыхъ!»

И вслѣдъ затѣмъ, градъ увѣсистыхъ, валявшихся на гласисѣ булжниковъ полетѣлъ на брустверь въ головы турокъ. Этотъ способъ атаки оказался такимъ радикальнымъ, что турки мгновенно оставили брустверь. Этого только и ожидали солдаты. Какъ морская волна, разрушившая препятствіе, какъ сорвавшійся съ горы обвалъ, неудержимымъ потокомъ хлынули они въ ровъ, и, миновавъ палисады, взобрались на брустверь; кто не попадалъ на штурмовыя лѣстницы, карабкался на брустверь, втыкая въ землю штыкъ, задніе подсаживали переднихъ и могучее «ура» опять огласило окрестность.

Съ сосѣдняго форта Кара-Дагъ также неслись крики «ура!», «браво, абхазцы!» и слышались аплодисменты. Я удивленно взглянулъ на фортъ: оказалось, что насъ поощряли 1-й и 2-й полки нашей дивизіи, взявшіе раньше штурмомъ этотъ фортъ, о чемъ мы ничего не знали.

Спустившись вмѣстѣ съ солдатами въ ровъ укрѣпленія, я наткнулся, близъ палисадовъ, на двухъ стариковъ-турокъ, съ которыми хотѣлъ расправляться прикладомъ ружья какой-то усатый солдатъ. Несчастные обезумѣли отъ ужаса и, бросивъ ружья, фаталистически ожидали своей участи, беззвучно шепча что-то губами. Я оттолкнулъ солдата, загородилъ собою стариковъ, объявивъ ихъ военноплѣнными, и передалъ унтеръ-офицеру нашей роты. Спасенные старики-турки поблагодарили меня взглядами, которыхъ я никогда не забуду.

Вбѣжавъ на площадку укрѣпленія, я нашель ее уже очищеною отъ непріятеля; тамъ и сямъ валялись трупы турецкихъ и русскихъ солдатъ. Масса нашихъ солдатъ, разсыпавшись по горжѣ укрѣпленія, преслѣдовала выстрѣлами уходящаго изъ укрѣпленія въ городъ непріятеля. Какъ оказалось въ послѣдствіи, турки понесли при отступленіи изъ форта не столько потерь отъ нашихъ пуль, сколько отъ охватившей ихъ во время бѣгства паники. Слѣдуя въ городъ по узкой дорогѣ, по которой едва могло проѣхать полевое орудіе, охваченная ужасомъ масса турецкихъ войскъ не въ одну тысячу человекъ, безъ всякаго порядка устремилаcя по этой дорогѣ; задніе сталкивали въ пропасть переднихъ и идущихъ сбоку къ отвѣсной кручѣ въ нѣсколько сажень высоты. При уборкѣ тѣлъ въ братскія могилы, у подножія взятаго укрѣпленія было найдено множество турецкихъ, обезображенныхъ отъ паденія съ

высоты, турецкихъ тѣлъ; въ особенности поражалъ своимъ видомъ трушъ одного несчастнаго солдата турка, очевидно упавшаго съ крутизны укрѣпленія прямо на ноги: въ то время, какъ туловище трупа находилось на землѣ въ сидячемъ положеніи, берцовыя кости съ разорванными сухожиліями, прорвавъ верхніе покровы тѣла, высоко поднимались надъ головою солдата. Группа солдатъ хлопотала надъ прекраснымъ крупновскимъ орудіемъ, повертывая его дуломъ на городъ. Въ сторонѣ отъ этой группы турецкій врачъ дѣлалъ перевязку раненому въ руку турецкому штабъ-офицеру.

Съ укрѣпленія «Хафисъ-Паша» было сдѣлано еще нѣсколько выстрѣловъ по осаждающимъ для прикрытія отступающихъ въ городъ турецкихъ войскъ и вдругъ надъ этимъ укрѣпленіемъ былъ поднятъ бѣлый флагъ. Все было кончено: Карсъ сдавался. Солдаты обнажили головы и начали набожно креститься.

Я оглянулся кругомъ. Картина была величественная. Восходящее солнце бросало на мѣстность первые лучи, золотя высшую ея точку, — фортъ «Хафисъ-Паша». На лазурномъ южномъ небѣ не было ни облачка. Легкій вѣтерокъ лѣниво развѣвалъ висѣвшую надъ городомъ пелену дыма отъ выстрѣловъ и распущенныя знамена русскихъ полковъ на укрѣпленіяхъ. Съ одного изъ укрѣпленій слышались звуки встрѣчнаго марша и крики «ура!». Это главнокомандующій кавказскою арміею началъ объѣздъ войскъ, поздравляя ихъ съ побѣдой. Радостныя лица офицеровъ и солдатъ, сознающихъ, какой подвигъ они совершили, довершали общую картину русскаго торжества.

Едва проводили главнокомандующаго, какъ солдаты открыли своеобразный рынокъ; предметами торговли служили доставшіеся побѣдителямъ трофеи побѣды: турецкія сѣдла, палатки, ковры, оружіе; покупателями были, разумѣется, офицеры. Еще три дня задержали нашъ полкъ въ Карсѣ для несенія караульной службы и рытья братскихъ могилъ

Придя въ лагерь, на прежнее мѣсто нашей стоянки, я былъ очень обрадованъ, заставъ въ живыхъ своего ротнаго командира, котораго не успѣли еще отправить въ Россію и рана котораго оказалась не опасною.

— «А я уже послалъ о васъ реляцію командиру баталіона», радостно встрѣтилъ онъ меня, пожимая мнѣ руку.

— «Въ какомъ же смыслѣ?»

— «Это уже мой секретъ. Я видѣлъ, какъ вы первымъ взбѣжали на гласисъ укрѣпленія...»

— «Ужъ и «первымъ!» Какъ можно разобрать въ такой массѣ людей, кто бѣжитъ первымъ, кто—последнимъ?»

— «Ну, не скромничайте! Вы были для меня полезнымъ чело- вѣкомъ...»

Полку дали на отдыхъ нѣсколько дней, во время которыхъ скупающее офицерство, въ складчину, сдѣлало угощеніе находящимся въ плѣну турецкимъ офицерамъ.

...Вотъ вновь отданъ приказъ выступить нашему полку къ Эрзеруму, и снова предъ полкомъ голая, безлюдная, выжженная солнцемъ степь съ лазурнымъ надъ нею куполомъ неба, и снова звучать въ ухахъ знакомыя солдатскія пѣсни то заунывныя, надрывающія душу своей безысходной тоской, то беззавѣтно удалыя, далеко несущіяся по необозримой равнинѣ, уже не разъ слышавшей эти пѣсни русскихъ солдатъ...

А. Б. Неповѣ.

